

УДК 821.124 + 821.111(73)

ЖАНР ЭПИГРАММЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЗРЫ ПАУНДА

Н.В. НЕСТЕР*(Полоцкий государственный университет)**n.nester@psu.by*

Рассматриваются эпиграмматические произведения в творчестве американского поэта Эзры Паунда (Ezra Pound, 1885–1972). Обосновывается влияние античной эпиграмматической традиции на жанр эпиграммы в поэтических произведениях Эзры Паунда. Доказывается, что обращение поэта к произведениям античной литературы – не просто подражание, а переосмысление классических жанров, позволяющих поэту актуализировать античную тематику в современном контексте посредством ее ироничной и сатирической трактовки.

Ключевые слова: жанр, эпиграмма, парафраз, перевод, переложение, подражание.

Введение. Эпиграмма (греч. ἐπίγραμμα «надпись») – это краткое лирическое стихотворение произвольного содержания (первоначально представлявшее собой посвятельные надписи, затем – эпитафии, поучения, описания, любовные, застольные и сатирические стихотворения), написанное элегическим дистихом. Зарождается литературная эпиграмма в греческой лирике VII–VI вв., ее расцвет приходится на III в. до н.э. – I в. н.э. (греческие поэты «Палатинской антологии», римский поэт Марциал) [2, стб. 1233].

По мнению, Ю.Б. Борева, эпиграмма (от греч. epigramma = надпись) возникла как надпись на монументе [комизм, остроумие, краткая форма меткого поэтического высказывания] – средство литературной борьбы с политическими, литературными или личными противниками автора; насмешка, облаченная в острую литературную форму [1, с. 551–552]. Таким образом, эпиграмма – остроумное высказывание или небольшое по размеру стихотворение, в котором, независимо от тона стихотворения – остроумного, забавного или сатирического, присутствует так называемая «крупинка соли». Расцвет эпиграммы приходится на литературу XVIII в., в произведениях XX в. данный термин расширяет сферу своего воздействия и обозначает остроумное высказывание не только в стихах, но и прозе.

О.М. Фрейденберг отмечает, что «эпиграмма – надгробная заплачка-слава об умершем в виде мотыльковой надписи (в европейской литературе эпиграммой становится инвективное, колкое стихотворение, напоминающее античный ямб)» [9, с. 121]. Позднее эпиграмма становится сатирическим жанром личной насмешки, объединяясь с античной инвективой и сатирой, как происходит частично в александрийской эпиграмме и эпиграммах Марциала.

Жанровая палитра поэтических текстов Эзры Паунда достаточно обширна – поэт обращается к одам Алкея, эпиталиям Сапфо, эклогам Феокрита и Вергилия, посланиям Горация, элегиям Проперция и Овидия, эпиграммам Марциала. В поэтическом арсенале Эзры Паунда есть стихотворения на любой вкус – от элегического двустушия в духе Катуллы до бесконечной эпической поэмы «Cantos».

Основная часть. Античная литература как основа, на которой строятся произведения Эзры Паунда, служила для него неисчерпаемым источником не только мотивов и образов, но и многочисленных жанров, таких как гимн, гнома, плач, послание, эклога, эпиграмма, эпиталия, эпитафия. В паундовской поэзии фольклорные и литературные жанры античности вбирают в себя новое содержание, подсказанное временем, интересами и замыслами автора, а также его творческой индивидуальностью [6, с. 16–17].

В произведениях Эзры Паунда доминируют мотивы, традиционные для мировой поэзии с древнейших времен, и жанры, обладающие многовековой историей, которые наполняются актуальным содержанием современной Паунду эпохи; возникающий таким образом контраст оказывается его главной целью. Т.С. Элиот отмечает: «Над его стихотворениями витают тени Катуллы и Марциала, Готье, Лафорга и Тристана Корбьера» [10, с. 458]. По мнению А.М. Зверева, «Паунд способствует творческому пересмотру традиций, обогащаемых экспериментами нового поэтического поколения, чтобы из этого сплава возник художественный язык, который требует время» [4, с. 537].

Так, заглавие стихотворного цикла Паунда «Хения»¹ перекликается с одноименным названием тринадцатой книги Марциала. Заимствуя у римского поэта Марциала название тринадцатой книги «Гостинцы» для собственного стихотворного цикла, Паунд тем самым воссоздает идею Марциала, положенную в основу его поэтического сборника – одаривать подарком каждого уходящего гостя, тем самым оставляя память о себе, как о гостеприимном хозяине и торжественном событии, по случаю которого были

¹ Хения – ксения (греч.) – букв. «подарок гостю», название XIII книги эпиграмм римского поэта Марциала. Короткое стихотворение, часто имеющее характер афоризма или эпиграммы. Данное стихотворение – фрагмент-вариация стихотворения «Цвет лотоса» из «Тетради Сан Тривазо».

приглашены гости. Эпиграммы Марциала, входящие в сборник «Гостинцы» (в сборнике 127 эпиграмм), имеют достаточно скромные размеры, т.к. практически все они представляют собой элегические двустишия, за исключением первых трех эпиграмм. В сборник «Ксении» римский поэт помещает элегические двустишия – сопроводительные надписи к подаркам, которые хозяин обычно делал гостям. В отличие от Марциала, Паунд объединяет в стихотворный цикл произведения различной тематики, не имеющие ничего общего с эпиграммами римского поэта, кроме названия. Тем не менее, произведения как Марциала, так и Паунда в большинстве случаев основываются на единичном и частном факте или явлении, но из эпиграмм складывается общая картина современного поэтам общества:

And
 Unto thine my eyes my heart
 Sendeth old dreams of the spring-time,
 Yea of wood-ways my rime
 Found thee and flowers in and of all streams
 That sang low burthen, and of roses,
 That lost their dew-bowed petals for the dreams
 We scattered o'er them passing by² [11, p. 86].

Возвышая любовь, поэт изображает её как вселенское чувство, способное завоевать пространство земное и космическое. Эпиграммы, направленные против отдельных лиц, адресуются Паундом своим современникам, вымышленным или реальным лицам. В эпиграммах поэт часто говорит непосредственно от своего имени, особенно когда речь идет о его литературной программе, как в стихотворении «Греческая эпиграмма» (*Greek epigram*):

So, when I weary of praising the dawn and the sunset,
 Let me be no more counted among the immortals;
 But number me amid the wearying ones,
 Let me be a man as the herd,
 And as the slave that is given in barter³ [11, p. 78].

Гномическая традиция с ее лаконизмом прослеживается и в паундовских эпиграммах, в которых выразилась сатирическая направленность его поэзии, не лишённой, однако, медитативных и сентиментальных черт. В этих произведениях поэт часто говорит непосредственно от своего имени, особенно когда речь идет о его литературной программе, как в стихотворении «Греческая эпиграмма».

Сравнивая художника с божеством, Паунд напоминает поэту, что лишь однажды отказавшись от своего призвания, он потеряет обретенное благодаря собственным произведениям бессмертие. Эзра Паунд призывает мастеров слова посвящать произведения изображения современной им действительности. Задумываясь о посмертной славе, он обращается к поэтам с призывом не писать произведений-однодневок, которые неизбежно будут преданы забвению. При этом слава трактуется поэтом не как признание, а как известность, к которой так стремился поэт. Традиционное начало латинской эпитафии Паунд делает главным в стихотворении «Здесь покоится» (*Hic jacet*)⁴ из цикла «Более низкий жанр» (*Leviora*). В названии стихотворения воспроизводятся только начальные слова надгробной надписи, а само произведение характеризует непосредственную реакцию прочитавшего ее и овладевшее им чувство:

And when the eyes we sing to are grown dim,
 Think you we fellows who have loved our loving
 Think you that we, who for their sake we've sung to,
 Have jammed our words within the sonnet's rim
 And for love's sake set all our lines a-moving,
 Think you we'll care what shelf the tomes are flung to?⁵ [8, p. 458].

² И / Твоим мои глаза, мое сердце / Посылает былые мечты о весне / Мои рифмы нашли тебя / Среди лесных троп, цветов и всех ручьев, / Поющих тише рифмы и роз, / Что потеряли чаши-лепестки ради грез, / Которые мы походя, разбросали среди них (Перевод наш. – Н.Н.).

Последняя строфа этого стихотворения используется Паундом в стихотворении «Цветение лотоса»: «Unto three queens mine homage / Unto thine eyes my heart / Sendeth old dreams of the spring time» (Трем царицам я воздаю свое почтение, / Твоим глазам – мое сердце / Посылает былые мечты о весне) (Перевод наш. – Н.Н.).

³ Потому, когда я устану воспевать закат и восход, / Позволь мне больше не числиться среди бессмертных; / Но причисляй меня к уставшим, / Позволь мне быть человеком, как толпа, / И как раб, данный в обмен [8, с. 219].

⁴ Здесь покоится (*лат.*). Традиционное начало латинской эпитафии.

⁵ Когда ж глаза померкнут, что воспеты, / Подумайте, кто так любовь любили, / Лишь ради них мы, други, пели тут, / Слова сдавили мы в тисках сонета, / Любовью стих в движенье приводили, / Не всё ль равно, куда тома швырнут? [8, с. 459].

Стихотворение Паунда «*Nic jacet*» перекликается с эпиграммой Марциала (V, 13), в которой изображается осознание собственного превосходства поэта над другими: «Все и повсюду меня читают, и слышатся: «Вот он!» / То, что немногим дала смерть, подарила мне жизнь»⁶ [90, с. 129].

Элегическое двустишие Марциала (V, 43) также привлекает внимание Эзры Паунда, таким образом появляется англоязычный вариант стихотворения, написанного в духе Марциала. В названии данного паундовского стихотворения «*Thais habet nigros...*» (лат. У Таис чёрные...) лежит начало первой строки эпиграммы римского поэта. Паундовский перевод датируется 1950-м г.:

Thais has black teeth, Laecania are white because
she bought them last night⁷. [11, p. 1200]

У Марциала данное стихотворение выглядит следующим образом:

Зубы Таиды черны, белоснежны Лекании зубы.

Что ж? Покупные одни, ну а другие – свои. [5, с. 139]

В соответствии с античной традицией эпитафия является разновидностью эпиграммы и представляет собой стихотворную надгробную надпись, которая существовала и как реальная надпись, и как фиктивная (в стихотворном сборнике). Фиктивные эпитафии Эзры Паунда служат своеобразным средством литературной критики: в форме такой эпитафии поэт даёт оценку кому-нибудь из своих, давно умерших предшественников. Наряду с традиционными похвальными обращениями к покойнику или от покойника к прохожему встречаются в поэзии Паунда пародийные и сатирические эпитафии. Так, в медитативном стихотворении «Гномические стихотворения» (*Gnomic Verses*) лирический герой погружается в чтение прекрасных стихотворений Ли Бо, занимаясь приготовлением ростбифа:

When the roast smoked in the oven, belching out blackness,
I was bewildered and knew not what to do,
But when I was plunged in the contemplation
Of Li Po's beautiful verses,
This thought came upon me, –
When the roast smokes, pour water upon it⁸ [8, p. 724].

Медитация лирического героя прерывается происходящими в реальности событиями, поэтому он вынужден оторваться от собственных размышлений, дающих ему инструкцию для решения вполне реальных проблем.

Голос поэта отчетливо звучит в эпитафиях Паунда потому, что эпитафия часто становится фиктивной и предназначена для выражения конкретной авторской мысли. Так, приближается к сатирической эпиграмме автоэпитафия Паунда «*In Eritaphium*», которая строится на ироничном обыгрывании понятия «слава»: «Write me when this geste, our life is done: / «He tired of fame before the fame was won»⁹ [8, p. 656].

Мотив быстротечности жизни находит воплощение в вольных парафразах двух эпикурейских эпиграмм [3] – Асклепиада Самосского (1–6 строки) и Юлиана Египетского (7–10 строки). Данное стихотворение составляет вторую часть стихотворного цикла «Отголоски» (*Echoes*). Лирический герой Эзры Паунда забрасывает возлюбленную чередой вопросов, в свою очередь не надеясь на ответ. Время неумолимо, его не сдержать, поэтому необходимо наслаждаться каждым мгновением жизни:

Thou keep's thy rose-leaf
Till the rose will be over,
Think'st thou that Death will kiss thee?
Thinks't thou that the Dark House
Will find thee such a lover
As I? Will the new roses miss thee?

Prefer my clock unto the cloak of dust
'Neath which the last year lies,
For thou shouldst more mistrust
Time than my eyes.¹⁰ [11, p. 239].

⁶ V, 13, 3–4. Перевод Ф. Петровского.

⁷ У Таис чёрные зубы, у Лекании – белые, потому что / Она их купила прошлой ночью (Перевод наш. – Н.Н.).

⁸ Когда ростбиф начал дымиться в духовке, / Я был удивлен и не знал, что делать, / Но, когда я погрузился в размышление / Над прекрасными стихотворениями Ли Бо, / Такая мысль посетила меня, – / Когда ростбиф пригорает, полей его водой [Перевод наш. – Н.Н.].

⁹ Пусть надпись эта мой украсит пьедестал: «Он славы не стяжал, но от неё устал» [8, p. 657].

¹⁰ И ты думаешь лепестки убережешь, / Когда время роз отойдёт? / Или смерть к тебе явится с поцелуем? / Или в чёрном Орке / Тебя такой любовник ждёт, / Как я? Или с новой розой мы о прежней горюем? / Нет, мой плащ получше, чем одеянье из праха, / Под которым прошлое спит в пыли. / Время, милая, – вот предмет для страха: / Оно опасней, чем глаза мои [8, с. 829].

Паундовская эпиграмма живет самостоятельной жизнью, в большинстве случаев основывается на отдельном общественном факте или явлении, но в целом из них складывается общая картина нравов современного общества, обнажающая различные контрасты современной жизни. Такие особенности, как словесная игра, неожиданная концовка, свободное использование гиперболы и других поэтических фигур, придают эпиграммам Паунда эффект неповторимости и сближают его произведения с эпиграммами Марциала [7, с. 178]. Эпиграммы Эзры Паунда являются по своей сути сатирическими и восходят к античной эпиграмме. Среди эпиграмматистов, чьей манере письма подражал Эзра Паунд, можно отметить Марциала, а также Асклепиада Самосского и Юлиана Египетского.

Заключение. Таким образом, поэтическая форма эпиграммы не потеряла своей актуальности на протяжении всего творчества Эзры Паунда. Обращаясь к произведениям античных авторов, Эзра Паунд сознательно идет по пути последовательного диалога с римскими авторами. Манипулируя вслед за античными авторами пространствами видимого и действительного, поэт создает общее информационное поле античных жанров, где реальное и подразумеваемое сосуществуют, постоянно видоизменяясь и трансформируясь, и где в каждом утверждении заложено его собственное отрицание [7, с. 175].

При этом заимствование жанра античной эпиграммы не является для Паунда непосредственной имитацией устоявшейся классической формы. Использование жанра античной эпиграммы позволяет поэту сопоставить проблемное поле древности и современности, а также подчеркнуть расхождение современной трактовки сходной тематики по сравнению с классической традицией. Обращение Паунда к произведениям античной литературы – не просто подражание, а переосмысление жанра эпиграммы, позволяющее поэту актуализировать античную тематику в современном контексте посредством ее ироничной и сатирической трактовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боров, Ю.Б. Эпиграмма / Ю.Б. Боров // Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов / Ю.Б. Боров. – М. : Астрель : АСТ, 2003. – С. 551–552.
2. Гаспаров, М.Л. Эпиграмма / М.Л. Гаспаров // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М. : Интерлак. – Стб. 1233.
3. Греческая эпиграмма / Под ред. и со вступ. статьёй Ф. Петровского; сост., примеч. и указатель Ф. Петровского и Ю. Шульца. – М. : ГИХЛ, 1960. – 487 с.
4. Зверев, А.М. Поэтический ренессанс / А.М. Зверев // История всемирной литературы. – М. : Наука, 1994. – Т. 8. – С. 533–544.
5. Марциал. Эпиграммы / Марциал. Пер. с лат. Ф. Петровского. – Харьков: Фолио, 2000. – 448 с.
6. Нестер, Н.В. Античная традиция в лирике Эзры Паунда 1910–1920-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук:10.01.03 / Н.В. Нестер. – Новополоцк: УО «ПГУ», – 2008. – 23 с.
7. Нестер, Н.В. Жанры античной литературы в поэзии Эзры Паунда / Н.В. Нестер // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2006. – № 7. – С. 175–180.
8. Паунд, Э. Стихотворения и избранные Cantos / Э. Паунд. – СПб. : Владимир Даль, 2002. – 887 с.
9. Фрейденберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг. – М. : Лабиринт, 1997. – 448 с.
10. Элиот, Т.С. Эзра Паунд: его стих и поэзия / Т.С. Элиот // Избранное. – М. : РОССПЭН, 2004. – Т. I–II: Религия, культура, литература. – С. 442–469.
11. Pound, Ezra. Poems & Translations / Ezra Pound. – N.-Y. : The Library of America, 2003. – 1364 p.
12. The Ezra Pound encyclopedia / edited by Demetres P. Tryphonopolous and Stephen J. Adams. – Westpost, Connecticut, London : Greenwood Press, 2005. – 363 p.

Поступила 09.06.2021

THE GENRE OF THE EPIGRAM IN THE WORKS BY EZRA POUND

N. NESTSER

The article deals with epigrammatic works in the works by American poet Ezra Pound (1885–1972). The author substantiates the influence of the ancient epigrammatic tradition on the genre of the epigram in the poetic works of Ezra Pound. It is proved that the poet's appeal to the works of ancient literature is not just an imitation, but a reinterpretation of classical genres, which allow the poet to actualize the ancient theme in the modern context through its ironic and satiric interpretation.

Keywords: genre, epigram, paraphrase, translation, arrangement, imitation.